

Как только Фэн Хао обернулся, Линь Лан почувствовал, что смотрит не на человека, а на отражение персонажа, которого сыграл Фэн Хао. Тягостная атмосфера вокруг него была тяжелее всего, что он когда-либо испытывал на съемочной площадке.

Это ощущение прошло в мгновение ока, настолько быстро, что Линь Лан почти усомнился в себе.

На лице Фэн Хао снова появилась знакомая солнечная улыбка.

— Я же говорил, что я твой поклонник, старший. Видишь? Я не врал.

Линь Лан изучал его, ища трещины в этой безупречной улыбке.

— Как ты получил эту фотографию?

Фэн Хао взглянул на огромное рамочное изображение Линь Лана, висящее на стене.

— Потому что я ее сделал.

— ...Что?

— Фотограф, назначенный на это представление, был старшекурсником в моем клубе. В последнюю минуту что-то случилось, и он попросил меня заменить его. — Фэн Хао обошел Линь Лана и подошел к фотографии. — Так что на самом деле я ему обязан. Если бы не он, я бы никогда не встретил тебя.

Взгляд Линь Лана потемнел.

— В тот день было сделано так много кадров. Почему именно этот?

Фэн Хао поднял руку, проводя пальцем по краю веревки, обвивающей тело Линь Лана на фотографии. Его пальцы точно обрисовали контуры с тревожной точностью.

— Потому что этот кадр идеален, — сказал он тихо. — Твое финальное выражение — яркое, грубое. Я видел его бесчисленное количество раз, и оно по-прежнему меня захватывает...

Его низкий голос пробежал мурашками по спине Линь Лана.

— Я иду домой, — сказал Линь Лан, отводя взгляд.

— Я тебя отвезу, — любезно предложил Фэн Хао.

В дороге назад Фэн Хао небрежно спросил:

— Могу я получить твой личный номер, старший?

Это не было неразумной просьбой. Они работали вместе. Линь Лан даже бывал у него дома.

— Извини, — ответил Линь Лан равнодушно. — Я не часто даю свой номер. Если тебе что-то нужно, обращайся через моего агента.

Фэн Хао не растерялся.

— Справедливо. Спокойной ночи, старший.

— Пока.

Фэн Хао дождался, пока Линь Лан не исчез за воротами. Он не уехал. Вместо этого он посидел минуту, а потом вышел из машины.

— Выходи.

Из теней появилась фигура, это был агент Линь Лана.

Фэн Хао мгновенно надул свои самые извиняющиеся губы.

— Ах, это ты. Извини, я думал, это папарацци.

— Никто не знает, где живет Линь Лан. Даже таблоиды.

— Правда? — Фэн Хао улыбнулся. — Похоже, мне повезло больше, чем им.

Агент смотрел на него с завуалированным недоверием.

— Я работаю с Линь Ланом много лет. Я никогда не видел, чтобы он навещал кого-то или чтобы его провожали к двери.

— Так мне стоит гордиться? — засмеялся Фэн Хао.

— Может, я и переступаю границы, но Линь Лан всегда поддерживал безупречный публичный имидж. Никаких скандалов. Я хочу, чтобы так и оставалось, независимо от пола. Понял?

Фэн Хао еще шире улыбнулся. Он шагнул вперед и положил руку на плечо агента.

— Это естественно, когда агент защищает своего артиста, но контролировать личные взаимодействия? Это уже перебор.

Агент напрягся.

Фэн Хао засунул руки в карманы.

— Просто любопытно — ты действительно его агент? Или скорее его... опекун?

Затем, с хитрым наклоном головы, добавил:

— Но это же невозможно, верно? Линь Лан — взрослый.

Он с интересом наблюдал за выражением лица агента.

— Это что, преследование?

Агент напрягся, внезапно осознав, что этот человек далеко не безобиден. Мог ли у Фэн Хао быть скрытый мотив для приближения к Линь Лану?

Тем временем Линь Лан рухнул на свою кровать. Он аккуратно сложил пальто. На тумбочке стояла рамка с групповой фотографией актеров «Храброго сердцем».

Он долго смотрел на нее, прежде чем поднять рамку. Из нее выскользнула вторая фотография, зажатая между изображением и задником. Это была та же фотография, что висела в доме Фэн Хао.

Он поднял ее и уставился. Мысли унесли его назад, на много лет назад, в юность.

— Ты играешь главную роль? — ошеломленно спросил его друг по академии, также режиссер.

«Храбрый сердцем» — это военная драма о коммунистическом агенте, чья личность раскрывается накануне капитуляции Японии. Он поет победную песню, встречая свою судьбу.

— Я справлюсь с этой ролью, — сказал Линь Лан.

— Дело не в таланте, — ответил его друг, беспомощно жестикулируя. — Подумай о типичном герое с мужественным лицом, с квадратной челюстью, густыми бровями, благородным выражением. Ты... не совсем создаешь такую атмосферу.

Линь Лан не согласился.

— У людей есть фиксированные представления о том, какие лица принадлежат героям или злодеям. Но хороший актер заставляет зрителей поверить — это лицо справедливости, а то — предательства. Даже если это противоречит типу.

Впечатленный, режиссер дал ему роль. Спектакль стал сенсацией в университете, и его заметили представители киноиндустрии. Это был первый шаг Линь Лана в этой сфере.

В детстве Линь Лан был заворожен военными фильмами. Не выстрелами и взрывами, а сценами, где заключенные были связаны. Он представлял себя на их месте.

Когда дети играли в «шпионов против полиции», все стремились стать полицейскими.

Линь Лан всегда выбирал шпиона.

С возрастом он осознал, что его влечение отличается от других. Обнаженные журналы не вызывали интереса, но зрелище сдерживания, уязвимости вызывало электрические разряды в его теле.

Каждая сексуальная мечта в подростковом возрасте вращалась вокруг принуждения.

Не имея доступа к материалам в интернете, у него была только его фантазия — и вскоре даже этого стало недостаточно.

Поэтому он принял решение.

Он стал актером.

«Храбрый сердцем» был не просто университетским спектаклем. Это был его первый

настоящий опыт подчинения, публичного раскрытия.

На премьерe студент-реквизитор, слишком нервный, слишком сильно завязал веревки. Линь Лан, связанный перед полным залом, шел к сцене казни с высоко поднятой головой.

Его тело, его разум — оба достигли своего пика.

Воспоминание вернулось с невыносимой силой. Рука Линь Лана скользнула к узлу на фотографии, бессознательно проводя по нему — повторяя движение Фэн Хао.

Осознание этого заставило его отпрянуть, словно обжегшись.

Снова это чувство. Знакомый жар. Он попытался его подавить.

Неуспешно.

Перед его мысленным взором встало лицо Фэн Хао.

Линь Лан, погруженный в свои мысли, не сразу осознал, что его зовут.

— Линь Лан, эй — твой выход.

Он моргнул.

— Какая сцена?

— Казнь, конечно, — прошептал знакомый голос, близко к его спине.

Он обернулся.

Никого не было.

Голос казался знакомым, но он не мог вспомнить, откуда.

Раздался тихий смех.

Вокруг него двигались актеры, их лица были размыты.

Он вспомнил: это была ночь премьеры. Но что-то казалось... неправильным.

— Где мой костюм? — спросил он.

— Я надену его, — снова прозвучал голос.

Веревка скользнула ему на шею. Его руки были связаны за спиной, туго затянуты. Он не мог дышать.

— Я тебя одел. Тебе нравится?

«Нет», — закричал он внутри, но не смог произнести ни звука.

— Иди. Время для твоего выступления.

Он пошел, не в силах сопротивляться.

«Нет. Я не могу».

Но он шагнул вперед.

— Почему нет? — Занавес поднялся. — Смотри, они ждут.

Два человека в японских униформах толкнули его на сцену. Лица в тумане смотрели на него из зала.

— Нет, остановите! Отпустите меня!

Он попытался прикрыться. Его руки не двигались.

Стыд накрыл его волной.

Рука коснулась его лба.

Он остановился.

— Разве это не то, что ты хотел? — спросил голос.

Пальцы обводили его лицо, губы, горло, оставляя искры на его коже.

Больше рук присоединилось. Он не мог сосчитать их. Каждый сантиметр его тела исследовали, завоевывали.

Он задыхался, сердце бешено колотилось.

— Открой глаза, — приказал голос. — Помни, что значит быть актером: отдать все своей аудитории.

Он повиновался.

Туман рассеялся.

Аудитория смотрела на него, каждое лицо идентично, пустое.

Вспышка.

Еще одна вспышка.

Световые эффекты приходили быстрее, беспощадный стаккато.

— Не... не фотографируйте... — прошептал он. Но звук потерялся в щелчках затворов.

Голос вернулся, многоголосый и звучный:

— Ты не думаешь так, старший? Твое последнее выражение самое яркое. Я не могу оторвать взгляд...

Голос многократно отразился, превратившись в хор:

— Произнеси свои реплики.

Голос Линь Лана нарушил тишину:

— Я прихожу, я живу, я умираю...

Никто не избегает судьбы...

А я, сегодня... буду жить вечно.

«Бах».

Выстрел разбудил его.

Простыни промокли от пота. Рука скользнула вниз, подтверждая то, что он уже знал.

Липкая масса.

Он долго лежал неподвижно, прежде чем потащить свое ноющее тело в ванную.

Теплая вода ополоснула его дочиста.

И вместе с этим он сбросил с себя стыд.

Выйдя наружу, он вновь стал Киноимператором-Айсбергом — спокойным, холодным, сдержанным.

Он встал на колени.

И помолился.

— Прости, что не пришел вчера.

— Где ты был?

— ...У коллеги.

— Как давно ты не был у кого-то дома?

— Не помню.

— Должно быть, это кто-то особенный.

Тишина.

— Что вы там делали?

— Смотрели запись. Университетский спектакль.

— И?

— ...Я возбудился. Во время повторного просмотра. Точно так же, как на премьерке.

— Он был причиной?

— ...Да.

— Больше одного раза?

— Да.

— Ты мастурбировал на него?

— Да.

— Ты представлял его лицо, когда это делал?

— ...Да.

— Ты его ненавидишь?

— Нет.

— Он тебе нравится?

Тишина.

— На сегодня все.

Линь Лан низко поклонился, коснувшись лбом пола.

Когда он поднялся, экран видеоконференции перед ним был пуст — теперь он был безмолвен, если не считать его собственного дыхания, эхом отдававшегося в пустой комнате.

<http://bllate.org/book/13924/1226824>